

Тан Чжихэн хотел было сказать что-то еще, но, заметив, что Цюй Мохань приближается издалека с нахмуренным лицом, почувствовал легкий озноб. Его улыбка стала натянутой.

— Председатель Цюй идет, я не буду мешать. Если в клубе рисования что-то понадобится, обращайся.

Цинь Цзыянь встал и подошел к Цюй Моханю, обернувшись к Тан Чжихэну.

— Спасибо!

Тан Чжихэн кивнул Цинь Цзыяню и взглянул на Цюй Моханя. Тот по-прежнему сохранял каменное выражение лица, но в его глазах читалось явное раздражение. Тан Чжихэн не хотел нарываться на неприятности, поэтому помахал рукой и быстро удалился. Пройдя несколько шагов, он не удержался и обернулся, но увидел лишь удаляющиеся спины Цинь Цзыяня и Цюй Моханя.

Цюй Мохань, Цинь Цзыянь... На лице Тан Чжихэна промелькнула сложная эмоция.

— Что он тебе хотел? — Цюй Мохань не забыл об утреннем инциденте, когда Цинь Цзыянь подвергся нападению. Тан Чжихэн привел в университет посторонних, и, независимо от причин, он не собирался это терпеть. Он думал, что, наняв людей со стороны, сможет избежать ответственности? Но наказания не избежит.

Изначально он планировал просто проучить этих уличных хулиганов, чтобы преподать Тан Чжихэну урок, но они осмелились напасть на Цинь Цзыяня, и гнев, который Цюй Мохань едва сдерживал, снова вспыхнул. Раньше он закрывал глаза на мелкие стычки Тан Чжихэна и Чу Фэя, но теперь это стало невозможным.

Если бы не желание не создавать проблем для Цинь Цзыяня, он бы вообще не хотел, чтобы тот вступал в клуб рисования.

— Извинялся, — улыбнулся Цинь Цзыянь.

— Держись от него подальше, — холодно предупредил Цюй Мохань.

Он не верил, что Тан Чжихэн извинялся искренне. Этот парень уже натворил немало дел в университете, и если бы не он, Тан Чжихэн уже бы давно почувствовал себя всемогущим. Во время выборов председателя студенческого совета именно Тан Чжихэн больше всех провоцировал, пока Цюй Мохань не поставил его на место.

Цинь Цзыянь кивнул. Ему и без напоминаний Цюй Моханя не хотелось иметь дело с такими людьми. Ему выпал второй шанс на жизнь, и он не хотел впутываться в ненужные проблемы. Тан Чжихэн был из тех, кто приносит с собой хаос, а Цинь Цзыянь хотел спокойно закончить университет и продолжить свою прежнюю жизнь.

После ужина в ресторане с горячим горшком Ли Синь, радостный, пошел с ним домой. Увидев английского бульдога, он сразу же схватил его и не хотел отпускать. Он даже придумал имена для обеих собак: мопса назвал Рождеством, а бульдога — Новым Годом. Затем он сфотографировал их вместе, отредактировал фото и опубликовал в микроблоге.

[Ли Сяомэн]: Ууу, мастер Бимомо, я признаюсь тебе в любви! Я люблю тебя! Председатель подарил тебе щенка, а ты не забыл меня и принес мне тоже. Ууу, это до смерти мило! Мопс мастера Бимомо — Рождество, а мой бульдог — Новый Год.

[Фанат Бимомо 77]: Снова видим председателя. Этот председатель явно искренне любит нашу богиню Бимомо.

[Фанат 139]: Конечно, Ли Синь, как всегда, получает свою долю, следуя за нашей богиней Бимомо. Председатель настоящий богач: каждый день делает ей подарки, а теперь еще и такие милые (?) подарки. (J`□')J ≡ Черт возьми, почему не маленький той-терьер? Почему не белоснежный самоед? Представьте, как прекрасна наша богиня Бимомо с милым той-терьером на руках. Картина слишком красивая, я не могу смотреть, вытираю слюни.

[Фанат 266]: Я твердо убежден, что наша богиня Бимомо — это чей-то секретный аккаунт.

[Ли Сяомэнч]: Богиня Бимомо, я люблю тебя, скорее посмотри на мое трогательное признание.
r(J 3 L)γ

[Бимомов]: Ответ Ли Синю: ...

В выходные, позавтракав, Цинь Цзыянь отправился в кабинет, чтобы закончить работу по живописи тушью, которую нужно было сдать в понедельник.

Пока он был полностью погружен в процесс, дверь кабинета открылась, и вошла мама Цинь.

— Цзыянь, пришел Мохань.

Цинь Цзыянь удивленно взглянул на дверь, отложил палитру на низкий столик и встал.

— Ты как здесь оказался?

— Мм, — просто ответил Цюй Мохань, заметив мопса, сидящего у ног Цинь Цзыяня.

Мопс, увидев маму Цинь, встал и, радостно виляя хвостом, побежал к ней, ласково теребя ее штанину мордой. К Цюй Моханю он отнесся с некоторой настороженностью, поднял голову, посмотрел на него и снова вернулся к маме Цинь, кружась вокруг ее ноги.

— Поговорите, я выйду, — улыбнулась мама Цинь, подняла мопса и вышла, закрыв за собой дверь.

Цюй Мохань подошел к мольберту и внимательно рассмотрел работу, которую Цинь Цзыянь завершил наполовину. На этот раз он рисовал бамбук. На прошлой неделе, когда Цинь Цзыянь только вступил в клуб рисования, он создал картину с орхидеей. Цюй Мохань знал, что Цинь Цзыянь изучал живопись тушью, но его навыки явно не ограничивались поверхностными знаниями.

— Это задание на понедельник, — Цинь Цзыянь снова сел перед мольбертом и взял палитру.

Цюй Мохань, видя, что Цинь Цзыянь погружен в работу, не стал его отвлекать и огляделся вокруг. Это был первый раз, когда он заходил в кабинет Цинь Цзыяня. Комната была оформлена в традиционном стиле, на полках стояло множество книг, а у окна располагался письменный стол, на котором лежал развернутый свиток с рисунком.

Цюй Мохань взглянул на Цинь Цзыяня, медленно подошел к столу и аккуратно поднял свиток. Это был величественный пейзаж, но больше всего поражала не сама картина, а стихотворение, написанное рядом. Каллиграфия Цинь Цзыяня была поистине выдающейся.

Цюй Мохань полюбовался работой несколько мгновений, осторожно положил свиток обратно

на стол и повернулся к каллиграфическим работам, висящим на стене. Подойдя к одной из них — «Орхидеевая беседка», — он невольно остановил взгляд на подписи в правом нижнем углу. Это была работа Цинь Цзыяня, созданная еще при жизни.

На мгновение он задумался, затем снова взглянул на свиток на столе, пристально рассматривая подпись. В именах Цинь Цзыянь и покойного Цинь Цзыяня был общий иероглиф «Цинь». Даже не будучи экспертом в каллиграфии, он заметил, что подписи были практически идентичны.

На стенах кабинета висело множество работ: как созданных покойным Цинь Цзыянем, так и недавно добавленных Цинь Цзыянем.

Цюй Мохань помнил, что Цинь Цзыянь не раз говорил, что с детства изучал каллиграфию, обучаясь у родителей Цинь Цзыяня. Но теперь стало ясно, что уровень мастерства Цинь Цзыяня не требовал наставничества — он превосходил даже покойного Цинь Цзыяня.

Цинь Цзыянь всё еще был погружен в рисование, и Цюй Мохань не хотел его отвлекать. Подойдя к книжной полке, он заметил, что она была заполнена книгами, изданными Цинь Цзыянем. На нижней полке стояло несколько блокнотов. В голове Цюй Моханя мелькнула мысль, и он, словно по наитию, вытащил один из них...

— Мохань, — тихо позвал Цинь Цзыянь.

Цюй Мохань обернулся и увидел, что Цинь Цзыянь всё еще сидит перед мольбертом, с легкой улыбкой на лице. Они молча посмотрели друг на друга.

Цюй Мохань положил еще не открытый блокнот обратно на полку и подошел к Цинь Цзыяню.

— Еще не закончил?

— Нет, осталось немного. Хотел, чтобы ты посмотрел, — спокойно сказал Цинь Цзыянь, продолжая рисовать. Хотя он казался полностью погруженным в работу, на самом деле он следил за каждым движением Цюй Моханя. В этом кабинете было слишком много вещей, оставшихся от его прошлой жизни, а Цюй Мохань был чрезвычайно проницательным.

Когда Цюй Мохань остановился у книжной полки, Цинь Цзыянь почувствовал внезапную тревогу и поспешно окликнул его.

Цюй Мохань молча наблюдал за Цинь Цзыянем. Его профиль казался особенно сосредоточенным, а каждый уверенный и точный мазок кисти оживлял изображение. Даже без ярких красок, используя только тушь, он создавал невероятно живые образы.

Тушь была цветом, а ее насыщенность и тон, размер и плотность мазков передавали пространство и объем пейзажей, бамбука и камней. Цинь Цзыянь владел кистью с легкостью, создавая выразительные и изящные работы. Цюй Мохань снова понял, что слова Цинь Цзыяня о том, что он лишь слегка знаком с живописью, были лишь скромностью.

— Не смотри на меня так, — смущенно сказал Цинь Цзыянь. — Когда я учился живописи тушью, я практиковался только на «четырёх благородных»: сливе, орхидее, бамбуке и хризантеме. Если бы ты попросил меня нарисовать что-то другое, я бы не справился так хорошо.

— Ты можешь написать здесь стихотворение, — Цюй Мохань указал на пустое место на

картине. — Это будет завершающим штрихом.

Цинь Цзыянь задумался, перебирая в памяти стихи о бамбуке, и нанес на бумагу крупный иероглиф «бамбук». Затем он написал две строки вертикально:

Густые зеленые стволы подобны телу дракона,

Им надлежит расти здесь, среди скал.

Бесчисленным диким цветам здесь не бывать,

Холодный полумрак гор соперничает с весной.

<http://bllate.org/book/17678/1647965>